

СРАВНИТЕЛЬНОЕ БОГОСЛОВИЕ

ИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР СУХАРЕВ

НЕМЕЦКАЯ «ОБЩИННАЯ»
МЕССА (GEMEINSCHAFTSMESSE)
В КОНТЕКСТЕ ЛИТУРГИЧЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ XX ВЕКА

УДК 264-61 (282)

DOI: 10.31802/2500-1450/2017-28-1-127-153

Аннотация

Данная статья посвящена полемике вокруг литургической традиции Католической церкви, центром которой является вопрос о преемственности: является ли чинопоследование *Novus Ordo*, появившееся в 1970 г., продолжением литургической традиции Католической церкви, или это полностью новый чин, искусственно «выращенный» в лаборатории литургистов-реформаторов. В поисках ответа на этот вопрос католические богословы обращают взгляд на литургическое движение, результатом которого стал II Ватиканский собор. Автор настоящей статьи делает попытку рассмотреть одну из «промежуточных» форм мессы — так называемую немецкую «общинную» мессу (*Gemeinschaftsmesse*) — и ответить на вопрос о том, можно ли считать это чинопоследование отступлением от литургической традиции Католической церкви и является ли она предтечей ординарной формы мессы, используемой в настоящее время.

Ключевые слова: Католическая церковь, литургическое движение, месса, литургия, II Ватиканский собор, аббатство Мария Лаах, Хервеген, Гвардини, молодежное движение «Источник», *Gemeinschaftsmesse*.

1. НАЧАЛО ЛИТУРГИЧЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ XX ВЕКА

Девизом литургического движения XX в. стали слова из послания *motu proprio*¹ папы Пия X “*Tra le sollecitudini*” (1903), посвященного церковной музыке: «Поскольку у нас есть горячее желание видеть восстановление истинного христианского духа и его сохранение во всех верных, мы считаем необходимым позаботиться прежде всего о <...> святости и достоинстве храма, в котором собираются верные для получения этого духа из неиссякаемого источника, который есть *активное участие* (*actuosa participatio* — курсив наш. — *и. А.*) в святых таинствах, а также в общей и торжественной молитве Церкви»².

Выражение «активное участие верных» стало одним из ключевых понятий литургического движения и, в конечном счете, его главного «манифеста» — Конституции о священной литургии “*Sacrosanctum Concilium*” II Ватиканского собора. Одним из главных составляющих понятия «активного участия» является по возможности частое причащение³.

Началом литургического движения принято считать выступление аббата бенедиктинского монастыря Мон-Сезар Ламбера Бодуэна на католической конференции в Мехелене в 1909 г. Аббат предложил конкретные шаги по обновлению литургической жизни в Церкви. Бодуэн говорил о том, что литургия находится в центре христианского благочестия и является главным источником единства христиан. Л. Бодуэн, прослуживший несколько лет в рабочем районе Льежа, утверждал, что богослужение связано с миссией

¹ “*Motu proprio*” (лат. — «по собственной инициативе») — документ, издаваемый папой по его инициативе и подписанный его рукой.

² Reid 2005. P. 74.

³ См., например, в декрете 1905 г. папы Пия X, посвященном Тридентскому собору: «Частое и ежедневное причащение, будучи делом, угодным Господу и Католической церкви, должно быть доступно всем верным без различия положения в обществе или условий жизни, поэтому никому из тех, кто находится в состоянии благодати и кто приближается к Святой Трапезе с правильным и благочестивым намерением, оно не может быть запрещено» (Sacra Tridentina Synodus 1905).

Церкви в мире, особенно там, где существуют бедность и социальное неравенство. Движимое пастырской заботой о людях всех социальных слоев, литургическое движение искало пути адаптации богослужения к пониманию обычного человека. В изданной в 1914 г. статье “*La Piété de l'Église*” («Молитва Церкви») Л. Бодуэн предложил программу литургического движения, в которой одной из главных задач назвал «активное участие христиан в Святом Жертвоприношении мессы путем понимания и следования литургическим обрядам и текстам»⁴. Л. Бодуэн считал необходимым восстановить коллективное пение во время мессы и выступал за проведение литургических исследований современными научными методами. Одним из способов достижения главной цели движения — обновления христианской жизни посредством литургии — стала так называемая «диалоговая», или «общинная», месса (*missa recitata, missa dialogata, Gemeinschaftsmesse*). Возникшая в результате научно-практической работы в бенедиктинских монастырях и адаптированная для приходского богослужения, «общинная» месса быстро распространилась по Европе, проникла в Великобританию и пересекла океан. И хотя форма классической латинской мессы почти не претерпела изменений, «общинная» месса представляет собой литургический эксперимент, оказавший серьезное влияние на становление нового типа христианского богослужения западной традиции.

2. «ТРИДЕНТСКАЯ» МЕССА И АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ ВЕРНЫХ

«Классическая» месса начала прошлого века совершалась согласно одной из редакций миссала 1570 г., изданного по решению Тридентского собора (1545—1563). По типу богослужения различались: месса без пения, или «чтомая» месса (*missa sine cantu, missa lecta*); месса с пением (*missa cantata*), на которой священник прибегает к модулированному речитативу, а группа певцов ему отвечает; торжественная месса (*missa solemnis*), в которой принимают участие диакон и иподиакон, бывает каждение алтаря

⁴ Reid 2005. P. 82.

и совершается целование мира; понтификальная месса, совершаемая епископом или аббатом монастыря (в определенные дни года)⁵.

Основной формой мессы считалась латинская месса без пения, а часто и без участия народа (в рубриках оговаривается участие диакона и министрантов, которые участвуют в диалогах со священником «от имени народа»). О причащении мирян упоминается вскользь, и то только в отдельной главе, находящейся в конце миссала. Священник и находящиеся в храме обращены лицом на восток, к престолу, на котором находится дарохранильница со Святыми Дарами и крест. В структуре «тридентской» мессы значительную часть занимают офферторий (предложение даров) и канон, в которых неоднократно утверждается идея приношения и принятия Даров, а также делается особый акцент на истинности Тела и Крови Христовых, содержащихся под видом хлеба и вина. Подчеркивая умиловительный характер евхаристической Жертвы и утверждая схоластическое учение о плодах мессы⁶, Католическая церковь долго не ставила вопрос об участии народа. Будучи пассивными наблюдателями предложения и освящения евхаристических даров, миряне «восполняли» недостаток молитвенного участия в литургии благочестивыми упражнениями: читали розарий, принимали участие в процессиях, поклонялись Святым Дарам. В классических толкованиях мессы главное место занимала аллегория: с различными действиями священника связывались конкретные события евангельской истории, над которыми размышлял верующий. В период с XVII—XIX вв. были написаны и опубликованы книги, приближающие богослужение к пониманию мирян: в них народное литургическое благочестие соединилось с результатами научной работы, проводившейся, как правило, монахами-бenedиктинцами. Одним из важнейших изданий такого рода стал появившийся в 1882 г. франко-латинский миссал для народа, подготовленный монахом бельгийского монастыря Маредсу Ж. ванн Калоеном.

⁵ Кунцлер 2001. С. 54–55.

⁶ Об учении о плодах мессы см.: Kilmartin 2015. P. 37–69.

Самые смелые религиозные мыслители понимали активное участие верных в богослужении как основанное на тщательном изучении созерцание тайны христианской веры, которая проявляет себя через литургические обряды и молитвы. Ни о каком изменении богослужбного обряда не было и речи. Тем не менее, к началу XX в. богослужение и его понимание настолько далеко отстояли друг от друга, что потребовался поиск новых культурных форм, с помощью которых можно было восстановить это утраченное единство.

3. РОЖДЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ «ОБЩИННОЙ» МЕССЫ

В августе 1920 г. во время проведения национальной конференции молодежного движения «Источник» (“Quickborn”) бенедиктинец из Аугсбурга Грегор Ланг совершил необычную мессу. Слова, которые обычно произносил министронт, и песнопения, которые пел хор, произносились всеми присутствующие вместе. Апостол и Евангелие читались на немецком⁷. В том же году в Дюссельдорфе был опубликован текст литургии, адаптированной для участия молодежи, автором которой стал Романо Гвардини (1885–1968) — священник, религиозный мыслитель, один из главных деятелей литургического движения.

Шестого августа 1921 г. в крипте бенедиктинского аббатства Мария-Лаах в земле Рейнланд-Пфальц была совершена так называемая «общинная» месса (*Gemeinschaftsmesse*). В богослужении, которое по обычаю приор аббатства Альберт Хамменштеде совершал на латыни, принимали участие только новиции⁸, клирики и случайные гости. Отличительной особенностью мессы было то, что все ответы, которые согласно чинопоследованию дает священнику министронт⁹, произносили

⁷ Conrad 1999. S. 8.

⁸ Новициат — период послушничества, т. е. испытания вступающих в монашеский орден новициев.

⁹ Министронт — мирянин, помогающий священнику во время мессы и других богослужений.

сами молящиеся. Они же повторяли вслед за священником некоторые части мессы (*Gloria, Credo, Sanctus, Agnus Dei*). Месса впервые совершалась на престоле, выдвинутом от восточной стены к центру собрания, а служащий священник был обращен лицом к народу¹⁰. Кроме того, А. Хамменштеде произнес краткое поучение¹¹.

Восьмого июня по приглашению аббата Хервегена мессу в крипте Мария Лаах посетил Кельнский кардинал Карл Йозеф Шульте. Он не ожидал увидеть ничего хорошего, однако первоначальные опасения не подтвердились. К. Й. Шульте признался И. Хервегену, что никогда в жизни он не испытывал такого глубокого чувства единства церковной молитвы и Жертвы Христовой и что он убедился в огромном значении общинной мессы¹².

В 1922 г. августинский монах Пий Парш (1884—1954) совершил первую «мессу молитвенного пения» (*Belsingmesse*) в церкви Святой Гертруды монастыря Кластернойбург неподалеку от Вены. Ее отличительной особенностью было то, что большую часть мессы народ пел или произносил хором¹³.

Характерно, что появление «общинной» мессы произошло «снизу» и было вызвано желанием отдельных подвижников (как правило, связанных с орденом святого Бенедикта) приблизить содержание литургии к пониманию людей. Ко всему прочему, «общинная месса» стала своеобразным ответом немецких католиков на социальные и политические перемены, связанные с участием Германии в Первой мировой войне.

¹⁰ Служение Евхаристии «лицом к народу» (*versus populum*) было официально разрешено только в инструкции 1964 г. “*Inter Oecumenici*”, подготовленной Советом по исполнению Конституции о Священной литургии II Ватиканского собора

¹¹ Neunheuser 1961. S. 72.

¹² Conrad 1999. S. 26.

¹³ Neunheuser 1961. S. 74.

4. ДВА НАПРАВЛЕНИЯ ЛИТУРГИЧЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

Немецкий католический богослов Филипп Арнонкур различает два главных направления в литургическом движении Германии: «бенедиктинское» течение и «народно-литургическое». Первое имеет идеалом латинскую «высокую» хоровую мессу (*Choralamt*), латинскую диалоговую мессу (*missa recitata*) и латинскую вечерню (*Volks-Vesper*). Радиус его действия — довольно узкий круг студентов и ученых, прихожане отдельных храмов <...> В основе же «народно-литургического» течения лежат живые формы народного благочестия, его идеал — немецкая общинная месса (*Gemeinschaftsmesse*), немецкая торжественная служба (*Hochamt*) и немецкая общинная вечерня (*Gemeindevesper*). Особенность «народного» течения — в попытке отделить песнопения на немецком языке (посредством пересказа и дословного перевода) от официального литургического текста¹⁴.

«Бенедиктинское» течение берет начало в деятельности Бойронской конгрегации, основанной папой Пием XI в 1873 г. Благодаря активности монахов аббатства Бойрон в конце XIX — начале XX в. в Германии были основаны восемнадцать мужских и женских монастырей, в том числе аббатство Мария-Лаах (1892), в котором впервые была совершена «общинная месса». На это время приходится повышение интереса к истории литургии, во многом благодаря работам протестантских ученых. «Схоластика с ее идеей науки как всеобщего знания не оставляла места истории — пишет Й. Юнгманн. — Самый сильный удар, которая нанесла реформация церковной жизни, — принцип историчности сознания. Когда после Тридентского собора [католики] начали поиск древних литургических рукописей, об историческом исследовании не было и речи»¹⁵. В богослужении бенедиктинцы ценили простоту и красоту, а своим идеалом считали литургию позднего средневековья.

¹⁴ См.: Mijic 2009. S. 46.

¹⁵ Jungmann 1961. S. 9.

Научная работа монастыря была связана с просветительством: «Книга о мессе Святой Церкви», составленная монахом Бойронского аббатства Ансельмом Шоттом в 1884 г. на долгие годы стала основным богослужбным пособием католика-мирянина. Она представляла собой параллельный немецко-латинский текст римского миссала с объяснениями литургических особенностей церковного года.

Монашеское богослужение (*Konventamt*), о котором говорит Ф. Арнонкур, совершалось во всех монастырях Бойронской конгрегации и было разновидностью «высокой» мессы (*Choralamt*), во время которой священник произносил возгласы попеременно с хором в тональности григорианского хора. «Высокая» месса не предполагала причащения верных, и чтобы подчеркнуть свое участие в ней, бенедиктинцы вернули в богослужение поцелуй мира (*Friedensgruß*) и средневековый ритуал приношения даров (*Gabendarbringung*), во время которого келарь, ризничий и ухаживающий за больными приносили к престолу (вместе с хлебом и вином для совершения Евхаристии) золото, ладан и смирну, подобно трем волхвам¹⁶, принесшим свои дары Младенцу Христу как бы от лица всего человечества¹⁷. Чтобы усилить значимость Евхаристии для всей общины, священники часто выполняли функции диакона и субдиакона (совершали так называемую «левитскую» мессу). Из этого совместного служения развилась церемония принесения и каждения приготавливаемых даров (которой нет в миссале 1570 г.), означавшая не только почитание евхаристических хлеба и вина, но и изображавшая молитву Церкви, которая, как ладан, возносится к Богу¹⁸.

Тем не менее до начала понтификата Пия X (1903–1914) вопрос о причащении как о главном признаке участия в Евхаристии широко не поднимался. Монахи принимали Святые Дары на «что-рых» мессах (*missa lecta*), причем причащались не теми hostiis,

¹⁶ См. Мф. 2, 1–12.

¹⁷ Häußling 1993. S. 274–275.

¹⁸ Ibid. S. 277.

которые освящались на богослужении, а теми, которые получали из дарохранильницы¹⁹.

Торжественная латинская месса, которую совершали бенедиктинцы согласно древним уставам, вызывала большой интерес, особенно в среде немецкой интеллигенции. В 1913 г. состоялась встреча новоизбранного аббата монастыря Мария-Лаах Ильдефонса Хервегена (1874–1946) с руководителями Католического академического союза, положившая начало литургическому движению в Германии. Прикладной задачей Хервегена и «академиков» было создание католической элиты, которая могла бы представлять интересы Церкви на государственном уровне²⁰, но главное — И. Хервеген хотел, используя «академический» потенциал, выйти за пределы монастыря и открыть для верующих литургию как источник христианской веры и благочестия. По приглашению аббата «академики» приезжали в монастырь на время Страстной седмицы. Они жили в окрестных деревнях, участвовали в богослужениях и беседах, на которых аббат рассказывал о литургии, церковном календаре и праздниках. Эти собрания стали предтечей литургического института Мария-Лаах, образованного в начале 30-х гг.²¹

Безусловная заслуга научной и просветительской деятельности бенедиктинцев состояла в том, что они обратились к истокам христианского богослужения. Они обращали внимание на его историю и структуру, говорили об иерархии дней церковного года, о связи между литургией и повседневной жизнью. Сами богослужения большого распространения получить не могли, потому что предполагали высокий уровень образованности его участников, в том числе знание латинского языка.

¹⁹ Neunheuser 1961. S. 78.

²⁰ Среди тех, кто составлял этот довольно узкий круг, были впоследствии известные политические и общественные деятели периода Веймарской республики: рейхсканцлер Германии Х. Брюнинг, премьер-министр Франции Р. Шуман, философ, историк-медиевист А. Демпф и др.

²¹ Hammenstede 1996. S. 193.

«Народно-литургическое» течение берет начало в XVIII в., когда возникла и получила развитие немецкая «песенная» месса (*Singmesse, Deutsches Hochamt*). В то время как священник, находясь у престола, произносил слова ординария на латыни, хор исполнял специально сочиненные песнопения на немецком языке²². Это «двуязычие» было очевидным нарушением стройности нормативной латинской мессы, зато оно расширяло потенциальную область понимания, а значит, давало больше возможностей со-участия, совместного пребывания в молитве. В отличие от бенедиктинского «варианта», такое богослужение могло быть приспособлено к нуждам конкретного прихода.

5. ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ДУХ ЦЕРКОВНОГО ЕДИНСТВА

Историческое явление не существует в замкнутом пространстве, оно всегда движется параллельно с явлениями другого ряда — культурного, социального, бытового. Появление «общинной» мессы было своего рода ответом Церкви на идеи модернизма, противопоставлявшего себя религиозной традиции и авторитету Церкви. «Не правда ли, что главное достижение нового времени — это то, что оно освободило нас от давящего господства Абсолюта и показало относительность всякой вещи?» — писал И. Хервеген. — Модернизм гордится тем, что, разрушая подлинные ценности, он поставил себя на место Бога»²³.

В 1907 г. папа Пий X издал энциклику "*Pascendi Dominici Gregis*", в которой сделал попытку разоблачить главные модернистские доктрины начала XX в., в том числе и те, которые проникли в Католическую церковь. Под осуждение попали и те, кто подходил к церковным догматам с исторической и научной точки зрения, и те, кто считал, что нужно

²² См., например, надписания к песнопениям «Немецкой мессы» Ф. Шуберта (1826): "*Zum Eingang*" («Во время входа»), "*Zum Gloria*" («Во время славословия»), "*Zum Offertorium*" («Во время предложения даров») и т. д.

²³ Herwegen 1924. S. 21.

разделить церковную власть с низшими клириками и мирянами, и те, кто выражал готовность вступить в диалог с той или иной политической системой, и те, кто находил слишком большим число паралитургических богослужений. Главными причинами заблуждений современного человека названы гордость и любопытство, а средствами к исправлению — изучение схоластического метода богословия, усиление надзора местного епископа и цензура.

В своей оценке упаднического состояния человека и общества деятели литургического движения во многом были солидарны с папой, но причины этого видели глубже: в оскудении внутренней жизни человека, утраты им «божественного» измерения, в потере духа единства, братства, взаимопомощи. Недостаточно было назвать модернистские ереси и публично их осудить: нужно было найти язык, на котором можно было бы говорить о насущных вопросах современности, предлагая пути разрешения культурных и общественных противоречий. Таким языком должна была стать общая молитва Церкви — литургия.

«Если в наши дни сооружается крыша, под которой возможно преодоление противоречий между человеком и миром, между индивидом и обществом, между духом и телом, и если бесконечное требование гармонии ведет к философскому решению Канта или художественному ощущению единства у Гете, то мы можем указать на единственную мать и наставницу природного единства — на литургию, которая не только содержит правильное мировоззрение и представляет собой не только совершенное произведение искусства, но сама есть действительность и жизнь»²⁴.

Из литургии вырастает богатая, восходящая к средневековью культура единства, особый стиль жизни, который противостоит не только индивидуализму, но и его антиподу — философии социального равенства. Устремленности социализма ко благу всего человечества противостоит теоцентричность литургии, которая не только охватывает внутреннюю жизнь человека, но формирует его личные и общественные связи. Ядром,

²⁴ Herwegen 1922. S. 68.

из которого вырастает народное и церковное единство, становятся монастыри и католические организации, напрямую не связанные с церковной властью: “Die konfessionelle Organisation ist ein Ferment für das Volksganze” («Конфессиональная организация является ферментом для народного единства»)²⁵.

Первая мировая война (1914—1918), в которой Германия потерпела поражение и потеряла около двух миллионов человек, поставила вопрос о единстве с новой остротой. Описывая свой военный опыт, «академик» Херманн Платц вспоминал о том, что переживания смерти и одиночества давали импульс к пробуждению религиозного сознания: «Воюющие гранаты стали для миллионов трубой Суда. Поля боя и окопы стали священными местами, на которых вновь рожденные души приносили в жертву свои жизни. Бог есть — звучало из глубины каждого сердца»²⁶. Война создала ситуацию, которая была недостижима в мирное время: близость смерти и ощущение жизни как жертвы сближали интеллигенцию с простым народом, причем это сближение усиливалось благодаря молитве и переживанию присутствия Бога. Сохранить это чувство единства в послевоенное время могла только литургия. «Возможно, получится показать, что католической литургии, которая с точки зрения модерна является всего лишь пережитком культуры, нужно только дальнейшее развитие, чтобы стать организующим и собирающим все вокруг себя центром»²⁷, — писал Х. Платц.

Таким образом, приблизительно к началу 20-х гг. в Католической церкви Германии создалась ситуация, которая обозначила ряд существенных проблем: проблему понимания (языка богослужения и литургии как выражения веры Церкви), проблему активного участия и проблему единства (которую поставили война и философия модернизма). Для того чтобы подойти к их решению, нужен был традиционный и вместе с тем

²⁵ Herwegen 1924. S. 29.

²⁶ См.: Scherzberg 2010. S. 257.

²⁷ Ibid. S. 259.

понятный большинству прихожан богослужебный чин, который давал бы народу возможность сознательного и активного участия в молитве Церкви. Богослужение должно было стать чем-то большим, чем чередование молитв и песнопений или даже сакраментальное освящение Даров: в нем открывался потенциал соединения разрозненных членов Церкви и общества в единое целое, причем основой этого единства выступала христианская вера.

6. БОГОСЛУЖЕНИЕ КАК ЛИТУРГИЧЕСКИЙ АКТ

В 1917 г. в первом номере научной серии “*Ecclesia Orans*” (которая начала выходить в аббатстве Мария-Лаах) вышла небольшая книга Р. Гвардини «Дух литургии» (“*Vom Geist der Liturgie*”). В ней говорилось о литургии не как о богослужебном чинопоследовании, а как об объективной и внеличной молитве Церкви, «литургическом акте». Литургический акт совершается в приобщении Церкви молитве Христа, и он возможен через правильное восприятие системы сигналов, символов (процессия, поклон, каждение, использование воды, свечей и т. д.), которые принадлежат материальному миру, но «считываются» как проявления неземной реальности. Основываясь на понятии символа, Р. Гвардини утверждал, что красота богослужения, лишённая главной идеи — раскрытия события Боговоплощения, не имеет смысла, несимволична. Литургия выводит человека из мира привычных ценностей и эгоистического существования, вынуждает его отказаться от самопоклонения и самообожания и призывает к смирению²⁸. Она обладает неповторимым стилем, который соединяет в себе ясный язык, ритмичное движение, особые пространство, цвета и звуки; идеи. Литургия говорит на языке, отличном от языка обыденности²⁹.

Размышляя о литургии как о религиозном культе, Р. Гвардини был одним из первопроходцев так называемого системного подхода к богослужению,

²⁸ Guardini 1962. S. 45–49.

²⁹ Ibid. S. 64–65.

когда на первый план выходит не исторически обусловленная форма, а изначально заданная структура; не аллегория, а символ; не строгий утилитарный порядок, а искусство и игра; не частное или общественное богослужение (хотя Р. Гвардини признавал и частные духовные практики), а тайна соединения верующих в единое Тело Христово — Церковь.

Тридцатого сентября 1917 г. Р. Гвардини написал письмо аббату Мария-Лаах Ильдефонсу Хервегену, в котором предложил приблизить католическую мессу к пониманию современного человека³⁰. Будучи одновременно богословом и приходским священником, Р. Гвардини считал необходимым адаптировать «иерархическую» литургию, доступную для понимания небольшому числу образованных людей, к нуждам современного прихода. Главной задачей нового, «пастырского», богослужения Р. Гвардини называл активное участие мирян, обремененных «банальными нуждами ежедневного существования, неповоротливых душой и телом, часто усталых»³¹. Он писал, что литургический стиль, которым так дорожили ученые монахи Мария-Лаах, должен в чем-то потерять свою чистоту, уступив место духовному упражнению; что необходимо использовать немецкий язык и народное пение; высказывался за приоритет устного («проговоренного») слова над григорианским хоралом. У всех молящихся должен быть текст общей молитвы на немецком языке, а само богослужение должно совершаться по законам «литургической хоровой драмы» (“*nach Prinzipien der liturgischen Chordramatik*”)³², в котором по заранее составленному «сценарию» участвуют два попеременно вступающих хора (*Chor, Gegenchor*), ведущий хора (*Chorführer*) и все остальные (*Alle*). Священное Писание также должно читаться по-немецки. После причащения священника следует общее покаяние и причастие молящихся. Р. Гвардини допускал, что в некоторых случаях на обращении священника народ мог начинать ответ на латыни, а про-

³⁰ Guardini 1985. S. 409–411.

³¹ Ibid. S. 410.

³² Ibid.

должать на родном языке. Р. Гвардини назвал такую литургию словом *Messandacht*, соединив в нем понятие классической мессы и духовного упражнения. Письмо завершалось словами о том, что «от устно “проговоренной” мессы дорога приведет к “песенной”»³³.

В предисловии к изданию «народной» мессы (*Gemeinschaftliche Andacht*), вышедшей в 1920 г., Р. Гвардини объясняет, как на практике реализуется принцип активного участия мирян, положенный в основу чинопоследования. Литургия оказывает такое же влияние на жизнь человеческого духа, как у И. Хервегена (см. выше) изменяет его общественную жизнь.

«[Во время святой мессы] можно не просто быть ее зрителями или слушателями — можно быть ее со-делателями. Для этого не нужно вставать со скамьи и приближаться к престолу, как прислужники. Оставаясь на своем месте, нужно только поднять глаза и сердце ввысь; молиться словами, которыми молится священник; думать теми же мыслями; со-участвовать в каждом движении и действии <...> И более того! Человек собирается с силами и приводит жизнь в соответствие с мессой <...> Если утром он участвует в совершении мессы, то в течение всего дня он чувствует, что должен быть чистым сердцем, искренним в общении и поступках, стремящимся ко всякому благу»³⁴.

Давая конкретные указания по совершению мессы, Р. Гвардини делает оговорку о том, что в зависимости от обстоятельств некоторые ее части могут быть опущены³⁵.

Первые упоминания о совершении «народной» мессы относятся к 1921 г., когда Р. Гвардини стал активно участвовать в собраниях молодежного христианского движения «Источник» в Бург-Ротенфельсе. Это объединение не принадлежало ни одной из официальных церковных структур и, следовательно, давало Р. Гвардини большую свободу:

³³ Guardini 1985. S. 411.

³⁴ Guardini 1920. S. 6.

³⁵ Ibid. S. 10.

«Духом Ротенфельса всегда была жизнь, не основанная на готовых программах, а исходящая из стремления к истине и отвечающая на вызовы современности»³⁶. Главной задачей Р. Гвардини было создание такой христианской общины, члены которой открыли бы для себя Церковь как живое Тело Христово. Религиозные практики переплетались с событиями спортивной и культурной жизни; богослужение было одной из составляющих педагогического и миссионерского проекта. В таких условиях наиболее подходящей для общины Бург-Ротенфельс оказалась самая простая форма «общинной» мессы.

Следуя обычаям бенедиктинских монастырей, Р. Гвардини ввел в обиход «Источника» ежедневную мессу и общую трапезу. Вместе с архитектором Р. Шварцем он переоборудовал устройство часовни, в которой совершалось богослужение. Ее внутреннее пространство было расширено таким образом, что престол, амвон и сиденья можно было свободно перемещать в зависимости от характера литургии. Священник совершал литургию, стоя лицом к народу, при этом верующие располагались полукругом у престола. На богослужении использовались миссал для мирян А. Шотта и хоровое пение (хотя священник давал возгласы на латыни), совершалась процессия приношения даров мирянами. Священное Писание читалось по-немецки. Сама литургия была построена как диалог священника и мирян, из которых главным был «предстоящий в молитве», отчасти напоминавший диакона (*Vorbeter*). В определенных моментах в диалог вступали хор и антихор, отдельные восклицания делали все вместе (*Alle zusammen*). Р. Гвардини также ввел в чинопоследование рубрику о молчании (*Stillschweigen*) после пресуществления Даров. Вместе с тем он высказывался за практику сохранения духовных упражнений и оставался верен чтению розария: «Не может быть большей ошибки, чем отвергнуть ценные элементы духовной жизни ради литургии или приспособить их к ней»³⁷.

³⁶ Kieг 2009. P. 61.

³⁷ Ibid. P. 81.

«Пастырский» подход, примененный Р. Гвардини, получил поддержку в разных частях немецкоязычного мира: «Жертва Христова больше не воспринималась как театральная постановка <...> Участвуя в ней, человек понимал, что не только священник, но каждый верующий в общине был действительным участником литургии и Евхаристии»³⁸. В течение десяти лет из экспериментальной «народная» месса стала приходской. Во время проведения официального съезда католиков в Вене в 1933 г. «песенно-молитвенная месса» (*Betsingmesse*), составленная П. Паршем, совершалась в присутствии двухсот тысяч человек. Словосочетание «активное участие» стало общепринятым; идея о «выходе» литургии за пределы монастыря на приход все чаще применялась на практике. Тем не менее реализация этого принципа в «народной» составляющей литургического движения вызвала ряд вопросов.

Сначала прозвучала критика из «дружественного» лагеря. Священник аббатства Мария-Лаах Одо Казель выступил против духовных упражнений, ценность которых отстаивал Р. Гвардини. С другой стороны, эксперименты Р. Гвардини и его последователей вызвали беспокойство католиков-консерваторов. Они обвиняли своих оппонентов в «литургизме» — слишком эмоциональной и безответственной форме богослужения, осуждали использование немецкого языка и вариативность. Во время совершения таких богослужений случались и казусы: в то время как священник тихо произносил молитвы на латыни, верующие хором читали молитвы по-немецки, тем самым как бы разделяя мессу на два параллельных богослужения. Критики «народной» мессы считали недопустимым, что она совершалась без официального одобрения Церкви. М. Кассиепе упрекал Р. Гвардини в том же, что и О. Казель, только с точностью до наоборот: новый тип мессы якобы отвращал людей от чтения розария или молитвы во время богослужения Крестного пути³⁹.

³⁸ Conrad 1999. S. 17.

³⁹ Krieg 2009. P. 82–83.

Дошло до того, что епископ Майнца Альберт Штор попросил Р. Гвардини написать ему письмо о литургическом обновлении и, когда получил, опубликовал его. По словам А. Штора, «в этом письме, написанном с блестящим умом и мастерским умением, Р. Гвардини показал путь между “сделать слишком много” и “сделать слишком мало”, между косным сопротивлением и слишком быстрым прогрессом и тем самым оказал своим друзьям и коллегам услугу, которую трудно переоценить»⁴⁰. В 1942 г. Р. Гвардини был членом комиссии Немецкой епископской конференции, наблюдавшей за литургическим обновлением на приходах, а в 1959 г. был приглашен в состав литургической комиссии, которая готовила материалы для II Ватиканского собора.

7. «ОБЩИННАЯ» МЕССА В МОНАСТЫРЕ МАРИЯ ЛААХ

В основе «бенедиктинского» течения лежали историко-критический метод исследования и просветительская работа. Небольшой круг ученых-литургистов занимался поиском потерянных или исследованием утративших первоначальный смысл элементов римской литургии, изучал взаимосвязь форм богослужения и их восприятия в культурно-историческом контексте, отделял первостепенные элементы от второстепенных. Там, где Р. Гвардини искал литургический акт, бенедиктинцы искали «объективную норму» богослужения, которая ведет к познанию тайны спасения во Христе. Эта объективная норма подвижна, она обусловлена, с одной стороны, богослужебной традицией, а с другой стороны, духом литургии. Любые духовные упражнения «бенедиктинцы» считали отклонением от нормы в силу того, что они не проистекают из литургии как единственного источника благочестия. Знание об «объективной норме» богослужения приобретает в процессе критического отбора.

«В начале часто бывает наивное наслаждение торжественностью помпезных обрядов и безусловное согласие со всеми непосредственно переданными

⁴⁰ См.: Krieg 2009. P. 83.

формами; за этим следует, подчиняющееся усвоенным законам литургии упрощение, отход на задний план вторичных форм и далее — одушевление богослужения, проживание его в духе литургии. Так, например, происходит в совершении “общинной” мессы и принятии причастия, осознании крещения, в новом понимании литургии часов как молитвы всей Церкви <...> Все это породило критический взгляд, постепенно отторгнувший элементы, которые нельзя было более совместить с истинным смыслом богослужения и римской литургией, в частности, или с такими элементами, которые с течением времени приняли другие формы»⁴¹.

Основой «общинной» мессы Мария-Лаах стала «чтомая» месса (*missa lecta*) — самое привычное и распространенное богослужение Католической церкви начала XX в. Ее преимуществом перед «высокой» мессой были мощный потенциал устного слова и простота, не требовавшая хора или министрантов, слова которых верующие хором произносили сами. Богослужение совершалось в крипте, на стенах которой были нарисованы древнехристианские символы, а престол представлял собой простой стол, отделенный от восточной стены. «Следуя римскому образцу» (*im Aufgreifen römischer Vorbilder*), служащий священник находился лицом к народу. Причащение совершалось ежедневно, причем от Даров, принесенных на мессе этого дня (а не из дарохранильницы, как обычно); кроме того, вводился обряд принесения даров мирянами, напоминавший тот, который практиковался в Бойроне⁴². Во время евхаристического канона все молчали⁴³.

⁴¹ Neunheuser 1972. S. 405.

⁴² См.: Häußling 1993. S. 282. Сослужащие (т. е. миряне) вынимали hostии, пригововленные для освящения на мессе, из специального сосуда и совершали процессию к престолу. Там дары принимал служитель, который, в свою очередь, приносил их священнику. В этом обряде миряне показывали свое желание того, чтобы евхаристические дары принимались не только как плоды сакраментального действия священника, но и как выражение их самих, и тем самым демонстрировали осознание себя как общины христиан.

⁴³ Neunheuser 1961. S. 78–79.

Во время Великого поста 1924 г. месса, получившая название «диалоговой» (*missa dialogata*), стала совершаться при участии большого количества братьев и мирян. Перед богослужением А. Хамменштеде делал 15–20-минутное введение, ставшее, наряду с его воскресными беседами о богослужениях церковного года, катехезой для верующих, среди которых было особенно много молодежи. Месса, однако, продолжала совершаться на латыни, а когда на ней присутствовали гости и молодежь, некоторые части читались по-немецки. «Предстоящий в молитве» или чтец произносил изменяемые части мессы и то, что должны были повторять за ним молящиеся. Начиная с 1935 г. в Мария-Лаах отказались от совместного произнесения «молитвы ступеней» (*Stufengebete*) в начале мессы.

По окончании Второй мировой войны «общинная» месса «переместилась» из крипты в собор и стала совершаться как главная месса монастыря. В 1943 г., идя навстречу просьбе председателя Немецкой епископской конференции кардинала Адольфа Бертрама, папа Пий XII дал официальное разрешение на совершение «общинной» мессы на территории Германии.

8. НОВОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ ИЛИ БОГОСЛУЖЕНИЕ ПО-НОВОМУ?

Целью литургического движения было обновление духовной жизни путем активного (т. е. сознательного и деятельного) участия в богослужении. В этом смысле оба течения — и «бенедиктинское», и «народное» — были по своему содержанию «пастырскими»: «диалоговая» месса, которая совершалась на латыни и выросла из «частной» нормативной мессы, и *Messandacht*, которая была изначально ориентирована на использование немецкого языка и народного хора, взаимно обуславливали и дополняли друг друга.

«Бенедиктинцы» (к которым принадлежали и «академики») были по преимуществу литургистами и канонистами, стремившимися показать красоту и величие богослужения. Представители «народного» течения

были приходскими деятелями, которые пытались воплотить идеал активного участия на практике. Первые занимались в основном литургической катехезой, вторые — созиданием общины через личный и коллективный опыт активного со-участия.

Если мы зададимся вопросом о том, предлагали ли создатели «общинной» мессы принципиально новый богослужебный чин, то должны будем ответить отрицательно. Сподвижники И. Хервегена и «академиков» относились к богослужению максимально бережно: мы не найдем в чинопоследовании ни одного изменения, сравнимого с теми, которые были сделаны Комиссией по исполнению Конституции о Священной литургии в 1970 г. Даже такой новатор, как Р. Гвардини подчеркивал, что законы и дух литургии должны оставаться неизменными: «Она (т. е. «пастырская» литургия — и. А.) должна постоянно обновляться по образу более сильного (т. е. монашеского — и. А.) типа — это и есть задача таких очагов литургического огня, как Мария-Лаах»⁴⁴. Предлагая изменить способ совершения офертория в 1939 г., Р. Гвардини замечал, что это должно быть сделано «без нововведений и искусственности»⁴⁵.

Если поставить вопрос иначе: был ли предложен принципиально новый подход к пониманию богослужения? — то нашим ответом будет: да, был. Если главными темами «тридентской» мессы были Жертва Христа и искупление и, как следствие, сакраментальное освящение даров, то «общинная» месса в качестве центральной предложила тему «Церковь как сообщество верных» и сделала акцент на причащении как совершенном выражении единства всех христиан друг с другом и со Христом (отсюда обращение священника лицом к народу). Если официально признанным богословским методом Католической церкви был неотомизм, то философской основой для Р. Гвардини стали неоплатонизм (с его понятием реального символа) и феноменология (в частности, метод оппозиции

⁴⁴ Guardini 1985. S. 410.

⁴⁵ Guardini 1939. S. 55.

Der Gegensatz)⁴⁶. Наконец, деятели литургического движения поставили вопрос о литургии как о главном источнике богословия (*theologia prima*).

Историко-критический метод, который применяли бенедиктинцы и их сподвижники (такие, как А. Баумштарк и Й. Юнгманн), предполагал открытие и изучение законов развития богослужения и как его результат — исключение позднейших местных и устаревших элементов или восстановление утраченных. Этот принцип ясно отражен в Конституции о Священной литургии II Ватиканского собора: «Литургия состоит из части неизменной (ибо она установлена свыше) и из частей, подлежащих изменениям; последние в ходе времени могут и даже должны изменяться, если в них случайно закрадется то, что не вполне отвечает самой внутренней сущности литургии, а также в том случае, если эти части перестали ей соответствовать <...> Чтобы сохранялась здравая традиция и вместе с тем открывался путь для ее закономерного развития, пересмотру отдельных частей литургии всегда должно предшествовать тщательное богословское, историческое и пастырское исследование <...> вводить какие-либо новшества надлежит лишь тогда, когда этого требует подлинная и несомненная польза Церкви, причем следует позаботиться о том, чтобы новые формы неким органическим образом вырастали из уже существующих»⁴⁷.

Р. Гвардини интересовался не столько происхождением и развитием богослужебного чина, сколько структурой литургического акта, взаимосвязью внешнего религиозного почитания и внутреннего настроения молящихся. Чинопоследование было для него делом прикладным, только инструментом, с помощью которого литургия могла бы преобразовать

⁴⁶ Оппозиция (*Der Gegensatz*) — это такое отношение, в котором два элемента исключают друг друга и тем не менее связаны вместе так, что на самом деле обусловлены друг другом. Например, несмотря на то, что два способа человеческого существования — одиночный и общественный — стоят в оппозиции друг к другу, оба они неотъемлемо принадлежат человеческой жизни.

⁴⁷ Конституция 2004. С. 26.

человеческую жизнь, именно поэтому основой для «пастырской» мессы он выбрал самую простую форму общенародной молитвы. Тема пастырской природы литургии (и в этом прямая заслуга Р. Гвардини) находит отражение в Конституции о Священной литургии II Ватиканского собора: «Хотя литургия есть прежде всего поклонение Божественному величию, она имеет также немалую воспитательную ценность для верного народа. Ибо в литургии Бог говорит к Своему народу, а Христос снова и снова возвещает Евангелие. Народ же отвечает Богу как песнопениями, так и молитвой»⁴⁸. «...Поскольку и на мессе, и при преподании Таинств, и в иных частях литургии использование современного местного языка нередко может оказаться весьма полезным для народа, ему можно уделить больше места, прежде всего в чтениях и поучениях, в некоторых молитвах и песнопениях»⁴⁹.

Вариативность и простота «пастырской» мессы нашли отражение в богослужебной реформе 1970 г. В отличие от «тридентского» чина, в ординарной мессе представлены разные возможности совершения той или иной части богослужения (в том числе евхаристического канона): «В том, что не касается веры или блага всей общины, Церковь не желает навязывать строгой и единообразной формы — даже в литургии»⁵⁰.

II Ватиканский собор постановил образовать при каждой епископской конференции специальную комиссию, которая управляла бы литургической деятельностью на местном уровне. Деятельность этих комиссий привела к появлению разных по объему и качеству богослужебных текстов. Это обстоятельство наталкивает нас на мысль о том, почему в конце своей жизни Р. Гвардини сдержанно относился к достигнутым результатам. В постсоборных экспериментах он увидел опасность подмены внутреннего внешним, склонность к бездумному упрощению богослужения, приспособление его «под себя». Индивидуализм и модернизм, против

⁴⁸ Конституция 2004. С. 29.

⁴⁹ Там же. С. 30.

⁵⁰ Там же. С. 31.

которых он боролся всю жизнь, активно вторгнулся в пространство Церкви: «Гвардини боялся, что приход — место, где вера обретает реальность, — станет бедным собранием индивидуалистов, а не Воплощением живого и действующего Христа»⁵¹.

В письме Й. Вайгеру, опубликованном в 1964 г., Р. Гвардини поставил вопрос еще острее: что делать, если богослужение не достигает своей цели? Если человек остается эгоистичным и неспособным принять и понять других, не должна ли литургия выйти за пределы культуры в сферу личного опыта? «Не связан ли литургический акт и вместе с ним все, что называется “литургией”, с историческим контекстом — античным, средневековым или периода барокко — таким образом, что было бы честнее совсем его оставить? Не лучше ли будет признать, что в наш индустриальный и научный век с его новой структурой общества человек уже не способен на литургический акт? И вместо того чтобы говорить об обновлении, не должны ли мы подумать о том, как совершать Священные Тайны так, чтобы современный человек мог понять их значение путем его личного приближения к правде?»⁵² Эти вопросы отсылают нас непосредственно к богословию Карла Ранера и его концепции «анонимного христианства».

Говоря о традиции, всегда подчеркивают не только ее богатство, но и разнообразие. Столкновение разных систем, парадигм мышления, в рамках единой христианской традиции высвобождает энергию, за счет которой она существует во времени. «Новым» является здесь не ее содержание, а инструментарий, сигнальная система, которая может быть правильно «прочитана» и усвоена членами Церкви. Безусловно, и И. Хервеген, и Р. Гвардини, и большинство литургических деятелей первой половины XX в. считали себя продолжателями традиции Западной церкви и в своей работе руководствовались идеей возврата в русло традиции, обращения к незамутненным источникам литургического благочестия (“*Ad fontes*”).

⁵¹ См.: Krieg 2009. P. 89.

⁵² Guardini 1992. S. 16.

Они показали пути, по которым может развиваться литургическое движение, обозначили опасности, с которыми оно может столкнуться. Они считали, что индивидуализм современного человека, его прагматичность, граничащая с цинизмом, вызваны потерей традиционного понимания Церкви и ее литургии. Пройдет еще какая-нибудь четверть века, и их имена будут связывать с прямо противоположными понятиями: обновление церковной жизни и уничтожение классической латинской мессы.

Занятие историей — один из методов изучения современности. История литургического движения и «общинной» мессы неизбежно ставит нас перед вопросом о подвижности традиции. Можем ли мы правильно воспринимать (и воссоздавать) богослужебные формы, возникшие в разных культурных контекстах? Являются ли эти формы только сосудами, в которых заключена литургия, или они неотделимы от ее внутреннего содержания? Что делать, если богослужение утрачивает «контекст понимания»? Как восстановить или вновь создать этот контекст? Способны ли мы еще на литургический акт? Эти вопросы, поставленные деятелями литургического движения, и сейчас находятся в центре богословской полемики в Католической Церкви. Ответы на эти вопросы приходится искать и нам, православным христианам XXI в.

ИСТОЧНИКИ

- Конституция 2004 — Конституция о священной Литургии (Sacrosanctum Concilium) // Документы II Ватиканского собора. М., 2004. С. 17–61. [Konstitutsiia o sviashchennoi Liturgii (Sacrosanctum Concilium) (Constitution on the holy Liturgy (Sacrosanctum Concilium)) // Dokumenty II Vatikanskogo sobora (Documents of the Second Vatican Council). Moscow, 2004. P. 17–61.]
- Guardini 1920 — Gemeinschaftliche Andacht zur Feier der Heiligen Messe von Dr. R. Guardini. Düsseldorf, 1920.
- Guardini 1939 — *Guardini R.* Besinnung vor der Feier der Heiligen Messe. Mainz, 1939.
- Guardini 1962 — *Guardini R.* Vom Geist der Liturgie. Freiburg, 1962.
- Guardini 1985 — *Guardini R.* Briefe an den Laacher Abt Ildefons Herwegen aus den Jahren 1917 bis 1934. Br. 2f. // AL. 27. Jahrgang 1985. Heft 3. S. 410–411.

- Guardini 1992 — *Guardini R.* Die Kultakt und die Gegenwärtige Aufgabe der Liturgischen Bildung. Brief an Johannes Wagner // Liturgie und liturgische Bildung. Mainz — Palderborn, 1992. S. 9–17.
- Sacra Tridentina Synodus 1905 — The Decree on Daily Communion [“Sacra Tridentina Synodus”]: A historical sketch and commentary by father Juan B. Ferreres. Edinburgh — L., 1909.

ЛИТЕРАТУРА

- Куццлер 2001 — *Куццлер М.* Литургия Церкви. Христианская Россия / Пер. с немецкого Е. Верещагин. М., 2001. Т. 2. [*Kuntsler M.* Liturgia Tserkvi. Khristianskaia Rossiia (The Liturgy of the Church. Christian Russia) / Perevod s nemetskogo E. Verechagin]. Moscow, 2001. Tom 2.]
- Conrad 1999 — *Conrad M.* Die “Крыпта-Messe” in der Abtei Maria Laach. Neue Untersuchungen zu Anfang, Gestaltungsformen und Wirkungsgeschichte // AL. 41. Jahrgang 1999. Heft 1/2. S. 1–40.
- Hammenstede 1996 — *Hammenstede A.* Erinnerungen eines Laacher Mönches: Autobiographische Aufzeichnungen. Maria Laach, 1996.
- Häußling 1993 — *Häußling A.* Die Gabendarbringung. Laacher Liturgiegeschichte im Wandel der Beziehung: Liturgischer Ritus und Soziologischen Paradigmenwechsel // Ecclesia Lacensis. Beiträge aus Anlass der Wiederbesiedlung der Abtei Maria Laach durch Benedictiner aus Beuron vor 100 Jahren am 25. November 1862 und der Gründung des Klosters durch Pfalzgraf Heinrich II. von Laach vor 900 Jahren 1093 / Edited by Emmanuel von Severus. Münster, 1993. S. 272–303.
- Herwegen 1922 — *Herwegen I.* Liturgie als Lebensstil // Alte Quellen, Neuer Kraft. Gesammelte Aufsätze von Dr. Ildefons Herwegen, Abt von Maria Laach. Düsseldorf, 1922. S. 65–80.
- Herwegen 1924 — *Herwegen I.* Die objective Grundlage für den individuell zu gestaltenden Aufbau unseres religiösen Lebens // Der Katholische Gedanke. Band VIII. München, 1924. S. 17–41.
- Jungmann 1961 — *Jungmann J. A.* Der Beitrag Der Benediktiner zur Liturgiewissenschaft // Beten und Arbeiten. Aus Geschichte und Gegenwart Benediktischen Lebens / Hrsg. von Theodor Bogler. Maria Laach, 1961. S. 9–15.

HEМЕЦКАЯ «ОБЩИННАЯ» МЕССА

- Kilmartin 2015 — *Kilmartin E. J.* The one fruit or the many fruits of the Mass // Proceedings of the Catholic theological society of America. 2015. Vol. 70. P. 37–69.
- Krieg 2009 — *Krieg R. A.* Romano Guardini. A precursor of Vatican II. Notre Dame (Indiana), 2009.
- Mijic 2009 — *Mijic S.* Die pastoral-liturgische Entwicklung in Kroatia — dargestellt am Beispiel der Messe vom Beginn des 20. Jahrhunderts bis zum Ende des Zweiten Weltkrieges. W., 2009 (Dissertation).
- Neunheuser 1961 — *Neunheuser B.* Die “Krypta-Messe in Maria Laach”. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Gemeinschaftsmesse // Beten und Arbeiten. Aus Geschichte und Gegenwart Benediktischen Lebens. Maria Laach, 1961. S. 72–78.
- Neunheuser 1972 — *Neunheuser B.* Die klassische Liturgische Bewegung und die Nachkonziliare Liturgiereform // Melanges liturgiques offerts au R. P. Dom Bernard Botte O. S. B. Louvain, 1972. P. 401–416.
- Reid 2005 — *Reid A.* The organic development of Liturgy. San Francisco, 2005.
- Scherzberg 2010 — *Scherzberg L.* Liturgie als Erlebnis und Kirche als Gemeinschaft // Theologie und Geschichte. 2010. Bd. 1. S. 253–287.

Abstract

Sukharev Alexander, priest. “Gemeinschaftsmesse” in the context of the XX century liturgical movement

The article deals with the dispute about the continuity of the liturgical tradition of the Catholic Church. The questions whether the Novus Ordo form of the mass introduced in 1970 can be considered an indispensable part of the liturgical catholic tradition or whether it is a man-made construction created by the reformers. In seeking for an answer catholic theologians turn their attention to the liturgical movement of the XX century which resulted in the Second Vatican Council. The A. examines one of the intermediate mass rites — the so-called “German communal mass” (*Gemeinschaftsmesse*) and answers the question whether or not it is a predecessor of the most commonly used Novus Ordo and whether it can be considered a deviation of the liturgical tradition of the Catholic Church.

Keywords: Catholic Church, liturgical movement, mass, liturgy, Second Vatican Council, Maria Laach, Herwegen, Guardini, Quickborn, *Gemeinschaftsmesse*, Messandacht.